

Роман Сенчин

ПО ПУТИ В ЛЕТУ

Публицистика, литературная критика

Роман Валерьевич Сенчин

По пути в Лету

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22100982

По пути в Лету: Публицистика, литературная критика. / Сенчин Р.В.:

Литературная Россия; Москва; 2015

ISBN 978-5-7809-0211-9

Аннотация

«По пути в Лету» – продолжение своего рода хроники литературной и общественно-политической жизни России, которую Роман Сенчин ведёт с начала 00-х. Узлами этой хроники стали сборники «Рассыпанная мозаика» (события 2000–2007 годов), «Не стать насекомым» (2008 – март 2011) и «Тёплый год ледникового периода» (декабрь 2011 – декабрь 2012). В сборник «По пути в Лету» включены статьи и очерки 2013–2015 годов, а также не вошедшие в предыдущие книги избранные работы 2011 года. Среди героев и антигероев сборника как наши современники – Валентин Распутин, Евгений Евтушенко, Василий Шукшин, Борис Екимов, Захар Прилепин, Юрий Поляков, Эдуард Лимонов, Алексей Балабанов, Борис Немцов, Алексей Навальный, Владислав Сурков, так и значительные фигуры прошлого – Лев Толстой, Иоанн Кронштадтский, Александр Тиняков, Константин Победоносцев.

Содержание

С биографией (и без)	4
Поколения – это свежая кровь	26
Закат вечной темы	37
Потенциальный прозаик	57
Одинокий	64
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Роман Сенчин

По пути в Лету.

Публицистика, литературная критика

С биографией (и без)

Время от времени чудачки, не чуждые литературы, задаются вопросом: нужна ли писателю биография? Мне тоже захотелось им задаться.

Сегодня сделать биографию непросто. Многие публичные люди её имитируют, начиная с легенд о себе и заканчивая минутными, зато оглушающими сюжетами в программах вроде «Русские сенсации» и «Ты не поверишь». А вот настоящих биографий почти ни у кого не оказывается.

Писатель нынче фигура, конечно, публичная. Тех, о ком почти ничего не слышно, кто не появляется на всевозможных фуршетах и презентациях, но чьи книги популярны, почти нет. Конечно, имеются затворники вроде Виктора Пелевина, правда, о них знают, кажется, больше, чем о тех, кто не сходит с экранов ТВ, раздаёт по тридцать интервью в неделю. Но является ли знание публикой чуть ли не подённой

жизни замечательного человека именно биографией? Да и нужна ли она, действительно?

Для литературы, даже документальной, мемуарной необходимо, в первую очередь, воображение. Человек, даже обладающий огромным талантом складывать слова, имеющий что рассказать, но не наделённый воображением, ничего не напишет, или напишет так, что читать это окажется постороннему нестерпимо скучно...

Нередко приходится встречать критические отзывы о мемуарах тех или иных, более или менее известных людей, и главная претензия к ним в том, что есть неточности, что-то перевернуто, что-то не соответствует действительности. И чаще всего, на мой взгляд, эти неточности объясняются не желанием автора что-то скрыть, что-то в прошлом переделать, даже не злой шуткой памяти, а тем, что просто невозможно точно передать на бумаге всё так, как было. Реальность, превращаемая в литературу, меняется. И здесь уже бессильны документы, дневниковые заметки и диктофонные записи, цифры – воображение диктует поверх них.

Итак, необходимо воображение. Но воображение должно чем-то питаться. И здесь, по моему мнению, появляется серьёзная и не только писательства касающаяся проблема.

Да, биографию сделать сегодня очень сложно. Подавляющее большинство людей с детства вставлены в определённую колею, по которой движутся всю жизнь. Выбиться из этой колеи – значит, сломать судьбу, а ломать её мало кто хочет.

В том числе и творческие личности.

Не претендуя на объективность, решусь предположить, что в годы застоя творческий человек был более свободен внутренне, чем сейчас, во время пусть и называемого многими *авторитаризмом*, но на самом деле почти *полной свободы*. Не случайно именно в 70-е в советский лексикон попало понятие андеграунд. И расцвело сотнями групп художников, музыкантов, писателей, философов, всевозможных инакомыслящих. Сегодня андеграунд невозможен потому, что андеграундному человеку попросту физически не выжить. Он обязательно должен быть вставлен в некую колею, узкую и зачастую довольно удобную. Поколение дворников и сторожей вряд ли уже повторится – в дворники и сторожа паренька с гитарой в чехле или с этюдником за спиной не возьмут. Там давно другой контингент...

Опять же рискуя показать себя невеждой, скажу, что и иметь профессию «музыкант» или «писатель», «художник», «философ», «политик» сегодня тоже практически невозможно. Таких единицы. И, по существу, дело их жизни превращается в хобби, которым человек занимается, вернувшись с работы, на которой он трудился (или бездельничал, но всё равно пребывал), чтобы в определённый день получить пачечку денег на пропитание и прочие более или менее насущные вещи.

Конечно, жить литературой или живописью, или оппозиционной политической деятельностью всегда было непросто,

а порой и опасно, но всё же мы живём сегодня, и думать хочется о сегодняшнем дне. А сегодня абсолютное большинство людей, занимающихся какой-либо творческой или политической деятельностью, не имеет возможности быть чем-то явно отличным от остальных, иметь свою биографию.

Остановлюсь на нынешних писателях.

С одной стороны, в последние буквально два-три года интерес к современной литературе заметно повысился. Достаточно зайти в любой книжный магазин, и в отделе «Российская проза» вы увидите десятки, а то и сотни книг тех авторов, что живут сегодня в России (или её окрестностях) и пишут по-русски; немало книг и тех, кто ещё не раскручен, но талантлив (а таковых ещё в середине 00-х издательства печатали крайне-крайне редко).

Конечно, кто-то со мной не согласится, назовёт множество писателей, которых издательства упорно не замечают или не хотят вспоминать. Да, это есть, и я знаю немало авторов, достойных книг, но их не имеющих, и тех, чьи книги 80 – 90-х годов стоит переиздать. Но всё же прогресс есть.

А с другой стороны, не утихают голоса, что русская литература мельчает, теряет читателей, гибнет.

О потере читателей судить сложно. Да, большинство не читает современную прозу, зато немалая часть людей вернулась к ней и находит в её чтении смысл. И Интернет тому подтверждение – споры о книжных новинках возникают ежечасно, и в них участвуют десятки и сотни людей. «Десят-

ки и сотни» смешно, конечно, но это лишь самая активная, технически продвинутая часть читателей, а сколько читает, обсуждает, осмысляет, так сказать, внутри себя или своего круга технически непродвинутых...

Но спорить с тем, что всё же современную прозу читают немногие и что сама проза хоть медленно, с временными полюбовьями мельчает, спорить не буду.

И причина мельчания и потери читателя мне видится в фигурах современных писателей.

Писательство всегда требовало некоторого уединения, спокойного отрезка времени, некоторой отстранённости от суеты окружающей жизни. Мало кто написал что-то стоящее возле мартеновских печей, на полеводческих станах, в физических лабораториях.

Правда, сегодня в литературе почти нет людей, занимающихся чем-то далёким от литературы. Подавляющее большинство писателей работает в разных сферах журналистики. Действующих физиков, металлургов, механизаторов, даже бизнесменов найти очень сложно. Писатели сидят или в домашних, или в рабочих кабинетах и жизнь за стенами кабинетов знают довольно слабо.

Это заметно и по прозе. В том-то и дело, что заметно, иначе бы не стоило заводить разговор.

Впрочем, может быть слабое знание – обман. Не исключено, что многие писатели специально отстраняются в своих вещах от сложных и неприятных реалий. И тут кстати

будет привести (с незначительными сокращениями) миниатюру Германа Садулаева, опубликованную в журнале «Знамя» (2010, № 10). Действие происходит на одном из Форумов молодых писателей в Липках.

«Однажды в Липках я вышел в фойе пансионата после мастер-класса по прозе. В фойе был круглосуточно работающий бар. Я взял чай с лимоном и отошёл к столику. Появился преподаватель мастер-класса. Он заказал у стойки коньяк с лимоном. Заметил меня и подошёл к моему столику. <...>

– Герман, ты ведь неглупый парень. Вроде бы. А? <...> Зачем же ты пишишь такую мутную жуть?

– Жуткую муть?

– Феерическую ересь.

– Ну почему же. Хороший рассказ. “Оставайтесь на батареях!”. Патетический.

– Ты пушку видел?

– Какую пушку?

– Понятно. Дивизионное орудие калибра 76 мм. Образца 1902 года. Видел?

– Ну...

– Какие, к чёрту, деревянные обручи? Какие бочки? Оно раздавит любую бочку! Приспособить для стрельбы по воздушным целям! Как тебе это в голову пришло?

– Справочник красного артиллериста, Москва, 1936 год.

– Какой справочник? Какого артиллериста??? Ты пушку

видел???

– Красного. <...>

Тут у меня заверещал телефон. Звонили с работы. Я отошёл в сторону и стал орать, прикрывая трубку ладонью:

– Что? Контейнеры? На пэ-кэ-тэ выгружать. Я говорю на пэ-кэ-тэ. Там досмотры быстрее. Сразу после досмотра пусть вышлют форму шесть точка два. Кэ-тэ-эс? Какой кэ-тэ-эс? У нас инвойс выше профиля! Доказываться? На демерредж попадём... Давайте условный выпуск. Что? Я говорю, пусть выпускают декларацию под обеспечение! Депозит есть? Релиз дадут? Вот и славно трам-пам-пам!

Мастер допивал шестую рюмку и смотрел влюблёнными глазами:

– Во! Демерредж! Релиз! Инвойс выше трюфеля! Звучит! И всё естественно, а-у-тен-тично! Вот об этом и пиши! Писать надо о том, что знаешь! Не надо писать о том, как в гражданскую войну в Испании под Бильбао дивизионные орудия приспособили для стрельбы по воздушным целям, подложив под них пустые винные бочки! Это ахинея! А-хи-не-я!

– Так в справочнике...

– В каком справочнике??? Ты пушку видел???

– Ну...

– Коньяк будешь?

– Не, я чай. И это же как бы аллегория...

– Какая аллегория??? Семьдесят шесть миллиметров!!!

– *Всё равно, хороший рассказ.*

– *Ересь. Ты про это больше не пиши, хорошо? Ты про контейнеры пиши, про релизы. А про пушки не пиши, не надо. Лады?»*

Характерная сценка, тем более что в жизни подобные разговоры, хоть и в более осторожной форме, иногда возникают. Да и к самому Герману Садулаеву не раз, по крайней мере, в критических статьях появлялись подобные вопросы в связи с его романами «Пурга», «Таблетка», «AD». Критики противопоставляли этим сочинённым текстам первую книгу Садулаева «Я – чеченец!» И роман «Шалинский рейд» восприняли как возвращение к настоящей литературе, хотя сюжет его откровенно беллетристический, а вот детали, персонажи, образ главного героя наверняка взяты из жизни, достоверны и художественно ценны.

Может быть, в скором будущем Герман Садулаев напишет и о бизнесе, к которому наверняка имеет отношение по-настоящему достоверную книгу.

Причём здесь именно биография писателя? Ведь высшее мастерство и истинный талант в том, чтобы придумать, но придумать так, чтобы в это поверили читатели, облились слезами над никогда не существовавшими героями.

Да, это так. Но что-то в последние годы таких мастеров и талантов мне лично не встречается. И были ли они когда-либо? Сколько автобиографического опыта Толстого со-

держится в «Войне и мире» или в «Воскресении»? Каков процент вымысла в «Мастере и Маргарите»? Подсчёты здесь нелепы, но подсчитать соблазн велик.

Писатели, вошедшие в литературу в 00-е, входили в неё, как правило, с произведениями, производящими впечатление документальной прозы. Назову те фамилии, какие называл ни раз. Сергей Шаргунов, Аркадий Бабченко, Илья Кочергин, Денис Гуцко, Дмитрий Новиков, Ирина Мамаева, Василина Орлова, Захар Прилепин, Андрей Рубанов... Вспоминается и Александр Иличевский с рассказом «Воробей».

Рассказ этот, опубликованный в «Новом мире», мгновенно сделал Иличевского известным в литературном мире. Несколько премий, полученных за «Воробья», отзывы критиков, новые публикации, книги... Стоит сказать, что до того имя Александра Иличевского было довольно хорошо известно, роман «Ай-Петри» (ещё, кажется, тогда неопубликованный), помню, хвалили любители изящной словесности. Но «Воробей» стал настоящим, шумным дебютом.

О чём рассказ? О голоде 30-х годов, грубо говоря. Но мало ли писали о нём до Иличевского, причём люди, его испытывавшие, обладающие не меньшим, на мой взгляд, талантом, чем автор «Воробья». Но Иличевский нашёл тот штришок, который сделал этот рассказ настоящей прозой, и вообще оправдал обращение молодого и сытого (в хорошем смысле слова) современного человека к страшной теме, которую касаться

не стоит, если не уверен, что этим прикосновением можешь её опошлить и себя погубить.

Ближе к финалу в рассказе неожиданно появляется герой-повествователь, время действия перескакивает в наши дни.

«Перед тем как окончательно уволиться из одной скучной конторки, я получил месячное назначение, любопытного свойства. Я был командирован на ликвидируемый склад, на котором мне предстояло провести последнюю ревизию. Наша контора закрывала оптовое направление по мониторам – и потому избавлялась от занятых ими складских площадей. Находился этот склад на севере столицы, на улице Адмирала Макарова, близ окружной железной дороги. Это был древний кирпичный ангар – один из нескольких десятков точно таких же, располагавшихся у руин товарно-приёмной ж/д станции».

Работа оказывается «не бей лежачего», и единственное, что донимает героя, так это воробьи, которые с чириканьем летают в проходах и загаживают коробки. Герой пытается бороться с ними, даже ручье мастерит... Складской обходчик рассказывает ему, «что воробьи – бич всех здешних складов: дрейфуя от ангара к ангару, они загаживают товар, будоражат, пугают грузчиков, внезапно ордой вылетая из углов в морду... Я узнал, что воробьи – наследство давних времён, когда вся эта складская зона, построенная в самом начале тридцатых годов, ещё служила хранилищем стратегиче-

ских зерновых запасов Москвы».

И далее:

«Когда обходчик ушёл, я прошёл в задник ангара, прикладом наскрёб две горсти земляной пыли. Вышел на свет и на картонке перебрал попавший вместе с землёй мусор. В ладони у меня остались четыре чёрных зёрнышка.

Я поднёс их к глазам и увидел. Подводы с зерном из Ладовской Балки, Новоалександровки, Григорполисской станции, со всего Ставрополя, с Кубани и Украины тянулись к железнодорожным станциям, грузились в эшелоны, которые частью шли за границу в обмен на золото и промышленное оборудование, частью в Москву – и зерно разгружалось именно здесь, на этом тайном складе, под многочисленной охраной НКВД». Вспоминает герой и рассказы его бабки, один из которых, по существу, и стал основой «Воробья», но лишь основой, а не содержанием целиком.

И ещё потрясающая деталь: *«Я завернул их (зёрнышки. – Р.С.) в сторублёвую купюру и заложил под обложку паспорта».*

Придумать эту сторублёвку вряд ли бы получилось даже самому опытному профессионалу. Наверняка – жизненная деталь...

С тех пор Александр Иличевский опубликовал много произведений, но ни в одном, по моему мнению, не достиг того эмоционального воздействия, какое есть в коротком, лаконичном «Воробье». Может быть, это из-за того, что почти

нет в его романах и рассказах того героя-повествователя, что появился в том рассказе?

(Понимаю, дурной тон говорить, что когда-то, на заре творческого пути, писатель создал нечто выдающееся, а затем стал двигаться по ровной поверхности, но в данном случае удержаться от этого не могу. К тому же у нас появилась новая тенденция почти каждое следующее произведение почти каждого автора сразу называть его лучшим произведением.)

Большинство писателей, в том числе и вошедших в литературу не так давно, если не погружаются в откровенный вымысел, пользуются для создания текстов своим дописательским биографическим багажом. Некоторые пытаются всё-таки биографию строить, хотя, как я уже говорил выше, на мой взгляд, делать это сегодня очень и очень сложно.

Коротко остановлюсь на нескольких произведениях последних двух лет, в которых, как мне кажется, биографический опыт писателей использован очень удачно, и именно он сделал эти повести и романы заметными в бурном и полноводном потоке текущей литературы.

Об Андрее Рубанове узнали неожиданно и сразу, как только его автобиографический роман «Сажайте, и вырастет» оказался в финале премии «Национальный бестселлер». Хоть он и не получил главной награды, но проснулся Рубанов действительно знаменитым (ради чего премия и была создана). Вслед за первым романом появились другие, бо-

лее или менее автобиографические произведения, в том числе и две объёмистые антиутопии. Но после них Рубанов издал очень глубокий и интересный роман «Иод», где вернулся к своей биографии, уже известной по «Сажайте, и вырастет», а затем – «Психодел», где опыт своего участия в бизнесе, в мире деловых людей соединил с беллетристикой. И получилась действительно сильная вещь, показывающая не открытые до сих пор литературой грани современной действительности. В «Психоделе» Рубанов ввёл в литературу существующий в реальности тип «сладких мальчиков» и новую формацию «сильных мужиков» благополучных 00-х годов. В итоге «Психодел» стал самым успешным (и коммерчески и художественно) романом Рубанова.

Недолгая ещё, но вполне насыщенная творческая биография (несколько романов, сборник рассказов) путь Рубанова показывает, что некое соединение личного опыта и плодов сдержанного воображения дают отличные результаты. «Сажайте, и вырастет», «Великая мечта», «Иод» с одной стороны и развившаяся, благодаря «Хлорофилии», «Живой земле», фантазия с другой.

Тем же путём, судя по всему, движется и Захар Прилепин. Его «Чёрную обезьяну» абсолютной удачей я назвать не могу, но это бесполезная попытка соединить реальность и вымысел, расширить творческий диапазон. И, может быть, вскоре мы получим именно от Прилепина произведение *Большой литературы*, по которому так истосковались...

Беда, что основная масса современных авторов или старается записать всё как было, или же фантазирует напропалую, не заботясь ни о фактической, ни о психологической достоверности.

Сергей Шаргунов упорно пытается создать свою биографию. Не стать кабинетным человеком, а тем более кабинетным писателем. В ранней книге «Ура!» он очень ярко продекларировал то, как и зачем хочет жить. Книга стала вехой в нашей литературе, не смотря на то, что раздалось немало голосов, что это вообще не литература... После «Ура!» вышло немало повестей и рассказов, то явно автобиографических, то почти фантастических. Последняя вещь – «Книга без фотографий» – в некоторой степени возвращает нас к «Ура!». Шаргунов вновь повествует от первого лица, героя зовут «Сергей Шаргунов», взята и излюбленная форма – главки-рассказы, соединённые не столько сюжетом, сколько героем-повествователем. Много внимания уделено детству героя, пришедшемуся на закат советской эпохи.

Жанр книги определить сложно. Это и не проза в чистом виде (как, кстати, и «Ура!»), но и не документалистика, хотя автор, кажется, предельно откровенен (впрочем, кое-где явно не договаривает всю правду), а если и обманывает читателя, то, скорее всего, неумышленно (спутав, например, кедровую шишку с еловой).

Но интересно, что Шаргунов (по крайней мере, Шаргунов – герой книг) пытается вырваться из кабинета, из той

замкнутой среды, в которой пребывает подавляющее большинство нынешних писателей. Он пытается заниматься политикой, работает дворником, ездит по России, бежит «увидеть» революцию в Киргизии. Всё это описано в «Книге без фотографий» конспективно, но и живо, динамично, ярко. И в итоге создаётся ощущения некоего свежего дуновения в нашей душной, со слабыми признаками жизни атмосфере...

Сложно определить и жанр текста «Салам тебе, Далгат!» Алисы Ганиевой. Вроде бы большой рассказ или мини-повесть, а скорее всего, очерк, зарисовка. Мы не знаем, с каким посланием в папке герой произведения Далгат ищет по Махачкале своего дядю Халилбека, от кого оно; и сам Далгат ведёт себя так, словно не живёт среди этих людей, в этом мире, а только что, после долгого отсутствия, здесь отказался.

Но композиционная примитивность и мутноватость причинно-следственных связей искупается самой идеей вещи – показать сегодняшнюю жизнь столицы Дагестана, сложный и, быть может, переломный этап, когда происходит столкновение двух цивилизаций. Всё это передаётся в основном через диалоги, через персонажей, колоритных и почти не замечаемых современной литературой.

«Салам тебе, Далгат!» был бурно встречен критиками, опубликован почти одновременно в нескольких изданиях, переведён на иностранные языки, за него Ганиева получила престижные премии. На мой взгляд, резонанс оправдан и закономерен. И даже не потому только, что в произведении

идёт речь о Дагестане. Дело в том, скорее всего, что это редкий текст, где видится живая, не выхолощенная литературностью, не изуродованная фантастическими и прочими допущениями, жизнь. Может быть, автор всё, что написано в «Далгате...» сочинила, а может быть, сместила действительность, открыла лишь одну грань этой жизни, но так или иначе ей удалось создать ощущение полноты и достоверности.

Жаль, что подобных произведений у нас крайне мало. А как бы хотелось узнать, как и чем живут сегодня люди в глубине Рязанской области, на Русском Севере, на Смоленщине, и так далее. Велика и богата Россия, но литература, как правило, фиксирует лишь столичные страсти (будни почти никто не хочет замечать), жизнь неких всемирных людей, легко перемещающихся с континента на континент и замечающих окружающее каким-то проскальзывающим взглядом. У таких произведений и соответствующий язык – ровный, нейтральный, гладкий... Продолжительная борьба с диалектизмами, областническими словами, сленгом не прошла для литературы даром. И здесь «Салам тебе, Далгат!» одно из редких сегодня исключений, – речи дагестанского молодняка воспринимать сложно, но зато говорят они, «как в жизни». Не все, кстати, – потенциальные борцы за веру изъясняются гладко, культурно, да так оно и есть: в «боевики» сегодня идёт в основном образованная часть населения...

Алиса Ганиева, как я знаю, живёт в Москве, но часто бывает в Дагестане, там прошло её детство. Занимается она ли-

тературной критикой, и «Далгат...» стал её дебютом в прозе. И не случайно, наверное, она обратилась не к фантастике или исторической прозе, а решила использовать накопленный биографический опыт. Он редко когда подводит...

О биографическом опыте Арслана Хасавова я ничего не знаю. И его повесть «Смысл», скорее всего, не автобиографическое, а может, и вовсе не реалистическое произведение. Но в нём настолько сильно звучит желание жить со смыслом, ради *чего-то, что-то* сделать, что оно поневоле заражает своей энергетикой и в то же время доказывает, что биографию во времена, когда дана установка на всеобщую усреднённость, сделать практически нереально. Можно сколько угодно фантазировать, болтать за столиком в кафе, строить планы, а вот действительно стать фигурой, личностью, необычным человеком...

Откровеннее всего безвременье зафиксировано в романе Дмитрия Данилова «Горизонтальное положение». Герой не некий современный Обломов, предающийся на диване мечтаниям, не наслаждающийся ленью, а довольно активный человек, жизнь которого наполнена делами, которые он отмечает в дневнике. Но что это за дела? Обычные дела обычного современного человека. Как говорится, без биографии... Правда, дела эти способны свести с ума своей никчёмностью и однообразностью. И вот под конец книги (на триста какой-то странице) герой раздражается холодным и в то же время отчаянным монологом-дневниковой записью:

«Сколько уже можно описывать эти бесконечные поездки на автобусах, метро и такси. Все эти отъезды из Кожухово и приезды в Кожухово. Всю эту бесконечную нудную езду по Новоухтомскому шоссе и Каскадной улице. По Салтыковской улице, по МКАД, по Каширскому шоссе. Всю эту так называемую ткань так называемой жизни. Всю эту невозможную нудятину. Изредка перемежаемую путешествиями разной степени бессмысленности. Сколько можно толочь в ступе эти бесконечные интервью с руководителями и специалистами международного аэропорта Домодедово. Все эти литературные мероприятия с участием одних и тех же персонажей, неизменно заканчивающиеся неформальным общением. Все эти идиотские описания деятельности нефтяных и газовых компаний. Всё это бесконечное унылое чтение газеты «Спорт-Экспресс» и не менее унылую и бесконечную игру в футбольный менеджер на сайте 11x11.ru. Надо уже как-то с этим заканчивать».

И дальнейшие записи представляют собой лишь числа, и мысль у героя одна: скорей бы Новый год. Будто бы там будет нечто новое, начнётся настоящая жизнь.

«Горизонтальное положение», написанное в архаической форме (дневник), не отличающееся динамикой, не населённое необыкновенными персонажами и не содержащее каких-то умных размышлений неожиданно стало одним из событий литературной жизни. Роман заметили и долго спорили, что хотел сказать автор. Спорят и до сих пор, кстати ска-

зять.

Да и все книги, о которых я говорил выше, оказались замечены, были приняты неоднозначно. Тем более что и авторы вошли в литературное пространство совсем недавно. Одни лет десять, другие буквально два-три года назад. Главное их богатство (пока?) – жизненный опыт, собственная биография. Пусть порой и небогатая. Но, как доказывает «Горизонтальное положение», и из житейского хлама, в который превращается большинство дней, можно собрать *настоящее*, переплавить в *художественное* произведение.

Но тоска по сильным героям, по действительно ярким сюжетам остаётся и, как мне кажется, нарастает. Хотя сложно ожидать обилия таких произведений, – люди без биографий вряд ли могут создать героев с биографиями. И у писателей нового поколения есть возможность такие произведения писать, по крайней мере потому, что они ещё физически более или менее молоды.

Кстати сказать, удивляет реакция некоторых критиков и собратьев по перу постарше на существование в литературе этого нового поколения.

Приведу два примера.

Вот как характеризует Наталья Иванова в статье «Трудно первые десять лет» литературные плоды этого поколения: *«Их проза вызывает в критике противоречивую реакцию – от безусловного приятия до безудержного отторжения. Как правило, с их текстами надо серьёзно работать*

редактору – они недотянуты, недоделаны, недоформатированы.

Им надо прописывать недостающие элементы. Менять композицию. Не хватает профессионализма?»

С одной стороны, можно согласиться с такой оценкой. Да, редактору надо серьёзно работать. (Впрочем, не только с молодыми.) Но что значит «недотянуты, недоделаны, недоформатированы»? И про «недостающие элементы» и «композицию» я не понял. То есть, до чего дотягивать, доделывать и так далее. Если дотягивать и доделывать, менять или хотя бы править композицию, к примеру, «Салам тебе, Далгат!» или «Горизонтальное положение», или олитературировать рассказы Аркадия Бабченко, то это будут уже другие вещи и другая проза.

Судя по этой статье, Наталья Борисовна не видит (пока?) в новом поколении больших писателей. Вот она выписывает в два столбика писателей 1900-х и 2000-х и, правда, с оговорками, допуская, «что это не совсем корректно», сравнивает достижения.

У меня фамилии в колонках вызвали недоумение... Нет, и там, и там приведены настоящие, знаменитые писатели, художники, режиссёры. Но если в 1900-х значатся в основном достаточно молодые – примерно сорокалетний Чехов, примерно сорокалетний Горький, примерно тридцатипятилетние Бунин и Андреев, юные Блок, Белый, Гумилёв, Мейерхольд и так далее, то в колонке 2000-е – мэтры: Битов (на-

против Чехова), Маканин (напротив Горького), Гандлевский (напротив Гумилёва)... Кажется, самым молодым в колонке 2000-х оказался Пелевин. Ни Прилепина, ни Иличевского, ни Михаила Тарковского, ни Самсонова, ни тем более поэтов моложе сорока лет...

Конечно, это сложно представить, но, скажем, в 1900-е Горького, Андреева, Брюсова, Белого, Бальмонта, даже Чехова, да и многих других впоследствии классиков и полуклассиков немалая часть читателей не считала настоящей литературой, их популярность (порой довольно-таки локальную) называли дутой, объясняли агрессивным поведением в литературе.

Да и сегодня агрессивностью объясняет популярность нового поколения, например, Олег Павлов. Об этом он рассказал в самом начале одного из недавних интервью:

«Произошло обнуление. Да, нулевые – это обнуление. В литературу пришли нули и стали очень большими величинами. Мне скучно кого-то разоблачать. Но поскреби любого такого – это не проходило в девяностых отбора... То есть тогда они не прошли. Молодые – такое же обнуление. То, что создали, создают – формация.

И не скажешь хотя бы так – разные авторы. Нет, именно одинаковые, и все недоростки, потому что, действительно, только начинали расти. Таких сплотили, соединили. Но это не молодая новая литература: это почти партийная организация. А дальше – простейшие, они пожирают всё,

что сложнее устроено, то есть враждебно. Но именно это востребовал книжный рынок. В общем, в это вложили деньги, конечно. Искусство высоко ценили, когда оценкой было признание мастерства. Но, оказалось, мастерства не требуется. Оно даже вредно, не нужно. Для рынка книги живут в текущий момент: продаж. Конвейер запустили. Рынок востребовал тех, кто готов на него работать. Актуальным становится только то, что занимает первые места в рейтингах продаж, то есть самое продаваемое на текущий момент. Остальное – не актуально, стало быть, в общем, не нужно. Из литературы выбросили как балласт культуру».

Это, конечно, личное мнение Олега Павлова, и я не хочу с ним спорить. Но и недоростками, которые явились в литературу, распахали предшественников (Павлов приводит и фамилии *распаханных* – Дмитрий Бакин, Андрей Дмитриев, Михаил Бутов, Владимир Шаров, Владислав Отрошенко, Светлана Василенко, Василий Голованов, Михаил Тарковский, Юрий Петкевич) и захватили книжный рынок, новое поколение не считаю.

На мой взгляд, наоборот – новые ведут себя слишком скромно и тихо. Может, вспомнить бунтарей 20-х, 60-х? Именно те годы дали последних больших писателей, значительные личности с яркими биографиями.

Июнь 2011

Поколения – это свежая кровь

В № 25 «Литературной России» была напечатана моя статья «С биографией (и без)», в которой я, в частности, прокомментировал отрывок из интервью с Олегом Павловым, опубликованном в веб-журнале «Перемены» (отдел «Неудобная литература»). Олег отозвался на мою статью в тех же «Переменах», а главный редактор журнала Глеб Давыдов предложил мне в свою очередь ответить или у себя в издании, и в «ЛР». Этим предложением я воспользовался.

С одной стороны, вступать с дискуссией с Олегом Павловым мне боязно. Во-первых, я уважаю его как писателя и завижуду эпической интонации его прозы (в «зависти» я ничего плохого не вижу, давно запомнив мысль Пушкина: «Зависть – сестра соревнования, следовательно из хорошего роду»). Во-вторых, не хочу при очередной встрече наткнуться на сдвинутые брови и спрятанную руку, – с Олегом мы встречаемся хоть редко, но довольно-таки тепло... Это не дипломатия перед атакой, а мои искренние мысли. Портить человеческие отношения – самое последнее дело.

А с другой стороны, ответ мне Олега Павлова – не личное дело, а повод хоть на чуть-чуть подтолкнуть движение нашей литературы дальше. Даже не литературы, а её осознания. Или – самосознания... Этот толчок, по-моему, нужно продолжить.

Итак, отталкиваясь от статьи Олега Павлова в веб-журнале «Перемены». Вот он пишет: *«Поколения в литературе – это стаи... Кому-то хочется существовать по стайному принципу. Существовать по стайному принципу, конечно, проще. Но все эти стаи рано или поздно распадаются.*

В своём интервью для Неудобной Литературы я употребил понятие «формация». Не называя никаких имён, сказав о формировании новых авторов: что это скорее партия, группа, сформированная в определённое время».

На мой взгляд, поколения в литературе неизбежны. В тот или иной отрезок времени появляются десятки или сотни людей, решившихся писать о современной им жизни. Волей или неволей они общаются. Через тексты, а нередко и лично. Даже являясь антиподами, вместе пьют пиво. (Вспомним Булгакова и Маяковского.) И это отлично. Этот сплав разных людей, но сверстников в литературе, даёт великие достижения. Например, Пушкин и так называемое его окружение, в котором были и его друзья, и литературные противники, с которыми он тоже, тем не менее дружил, – Грибоедов, Катенин; поколение (а как иначе назвать?) 40-х -60-х годов XIX века; 20-е годы века прошлого, где были одновременно, по крайней мере, по языку близкие Булгаков, Бабель, Олеша, Шолохов и полузабытые нынче Слонимский, Сейфуллина, Соболев, даже жуткий в связи со своим известным письмом Сталину Билль-Белоцерковский... А 60-е годы! Евтушенко и Куняев, Вознесенский и Рубцов... Разве это не было по-

колениями?.. И все они не очень-то почитали своих литературных дедов, отцов и старших братьев.

Да, в какой-то момент поколение «существует по стайному принципу». А как иначе? Новому нужно занять свой пятачок на тесном литературном пространстве, где признанных и уже удобных талантов хоть отбавляй. Так пробивались все новые, всё новое. Одиночек в истории литературы (не только русской, а мировой) я лично почти не знаю. Кстати сказать, Олег Павлов одно из таких исключений. Писатель, вошедший без термина «молодой», вне поколений, сразу всерьёз, как мастер. (Пишу это искренне.)

«Но что мне делать со своей памятью, – пишет Олег Павлов, – если самого Сенчина я помню и знаю ещё до рождения этого поколения...»

Да, себя я не отношу к поколению 00-х. Может быть, и к сожалению... Поколение 00-х другое. Оно светлее, грубо говоря, даже беспросветный Елизаров... А с другой стороны, я счастлив, что мои рассказы без *маринования*, без *отстаивания* опубликовали весной 1997-года (когда я учился ещё на первом курсе Литинститута) еженедельник «Литературная Россия» и, сразу большой подборкой, журнал «Знамя». Потом были публикации в «Октябре», «Нашем современнике», «Новом мире», ещё в «Знамени», в «Кольце А», в коллективном сборнике «Погода на завтра»... Перечисляю это не для саморекламы, – просто я наверняка бы не стал биться головой в стены печатных органов год за годом: сибирские

кухни, водка, погоняемый из студий звукозаписи панк-рок мне были тогда куда ближе литературной лестницы, по которой я карабкаться не хотел. Для меня хорошо (для кого-то наверняка отвратительно), но карабканья по этой лестнице я не испытал. Как, по существу, не испытали его (этого карабканья) и те, кто появился чуть позже. Илья Кочергин, Сергей Шаргунов, Денис Гуцко, Захар Прилепин... Да много, много достойных публикации писателей, отношение к которым у меня разное. Прозу Олега Зайночковского, например, не люблю, но понимаю, что такая проза нужна, то же с прозой Аствацатурова, Иличевского. Но многие из нового поколения не врываются в литературу победителями, – рассказы и повести кемеровчанина Андрея Иванова считаю отличными, но публикуются они с великим скрипом, не складывается с публикациями у нижегородки Анны Андроновой...

Но возвращусь к ответу Олега Павлова на кусочек мой статьи «С биографией (и без)». Ещё раз процитирую: *«Существовать по стайному принципу, конечно, проще. Но все эти стаи рано или поздно распадаются. В своём интервью для Неудобной Литературы я употребил понятие «формация». Не называя никаких имён, сказав о формации новых авторов: что это скорее партия, группа, сформированная в определённое время».*

Хочется спросить: а где стая поколения 00-х? В чём заключается «формация новых авторов»? Какая партия?!

Я не вижу никакой формации, никакой партии. Некото-

рые из писателей 00-х познакомились благодаря Форуму молодых писателей, другие на каких-либо книжных мероприятиях. Многие вообще сугубые одиночки... Кто-то очень точно назвал поколение 00-х «разобщённая общность»... Можно ли говорить о партии?

Наверное, всё дело в термине «новый реализм», с которым стали ассоциироваться многие писатели, вошедшие в литературу в 00-е. Реакцию на этот термин я прокомментирую немного ниже, а сейчас хочу привести ссылку на статью Натальи Борисовны Ивановой «Трудно первые десять лет». В таблице достижений 1900-х и 2000-х, она называет не только имена писателей, музыкантов, режиссёров, но и ведущие направления литературы этих, разделённых столетием, десятилетий. Сравните: 1900-е: «Символизм, реализм (новый)» и 2000-е: «Постмодернизм, “новый реализм”». Довольно-таки справедливо. Но что такое новый реализм 2000-х?

Кроме Сергея Шаргунова, Василины Орловой и меня никто из «молодых» писателей, кажется, этот термин всерьёз не воспринимает. Подавляющее большинство критиков (разных поколений) усиленно доказывают, что нет никакого нового реализма, а есть просто реализм... Может быть, нового реализма и нет, и проза (очень странная, и почти не проза, строго говоря) Сергея Шаргунова, это нечто вообще за гранью всего. Но «Ура!» существует, и «Птичий грипп», и «Книга без фотографий». К традиционному реализму я эти

вещи отнести не могу, а прозой реалистической их считаю. И что мне делать?

Так же к чему-то *новому* я отношу и прозу Аркадия Бабченко, Дениса Гуцко, Захара Прилепина, Андрея Рубанова, Ильи Кочергина, Анны Козловой, Ирины Мамаевой, Дмитрия Новикова, Михаила Тарковского, Германа Садулаева, Сергея Минаева, Оксаны Робски, Евгения Гришковца, Ирины Денежкиной и многих, многих других...

В том интервью Олега Павлова в «Переменах», а особенно в ответе мне, ощущается некоторая обиженность. Дескать, новое поколение и новые реалисты отменил предшественников. Вот и цитата из ответа:

«Пусть приходит кто угодно и пишет в духе реализма — но я хочу задать в общем-то тот же вопрос... Значит, всё-таки, никого не было? И на этом фундаменте строите вы свои биографии, то есть банальное благополучие?»

Не было «Дурочки» Светланы Василенко?

Не было «Острова» Василия Голованова?

Не было «Рождения» Алексея Варламова?

Не было «Извести» и «Свободы» Михаила Бутова?

Не было «Знака Зверя» и «Афганских рассказов» Олега Ермакова?

Не было «Замороженного времени» Михаила Тарковского?

Не было «Хорька» Петра Алешиковского?

Не было «Двора прадеда Гриши» Владислава Отрошенко?

Не было «Синдрома Фрица» Дмитрия Бортникова?

Не было реализма Андрея Дмитриева, Андрей Волоса, Владимира Шарова, Юрия Петкевича, Марины Палей, Александра Терехова, Антона Уткина, Валерия Былинского, Владимира Березина, Ирины Полянской...

Не было Астафьева, Распутина, Владимова, Маканина, Петрушевской, Фазиля Искандера, Леонида Бородин...

Не было всей русской прозы, бывшей до вас?

Но и главное: почему же должно-то не быть?»

Во-первых, никто не сбрасывает предшествующую литературу с парохода современности. Считаться, наверное, последнее дело, но напомним, что один из нового поколения, Олег Зоберн, выпуская серию «Уроки русского», в числе первых издал книгу Владислава Отрошенко «Персона вне достоверности», другой из *новых*, Захар Прилепин, сделал очень много для того, чтобы у Михаила Тарковского и Александра Терехова было больше читателей; очень многие из *новых* с симпатией отзываются о прозе, например, Алексея Варламова, и сожалеют, что прозу он почти не пишет, переключившись на биографии замечательных когда-то в прошлом людей; третий, из *новых*, Сергей Шаргунов, пишет рецензии, явно пытаясь повысить интерес к чтению современной прозы, и хвалит он книги писателей разных поколений...

Есть, правда, несколько *новых*, кроющих кое чем всех вокруг, обзывающих их графоманами, считающих, что журналы и издательства захватила мафия. Эти деятели неприятны,

смешны, но необходимы для литпроцесса. Они тоже двигают литературу...

Ну а о каком «банальном благополучии» говорит Олег Павлов? Даже если представить, что поколение 00-х вдруг дружно отметёт всё предшествующее, то кроме хохота окружающих и презрения оно ничего не добьётся. Новый реализм поколения 00-х не направлен на то, чтобы выдать остальное с литературного поля, а наоборот, чтобы вернуть интерес и внимание к реализму вообще. По моему мнению...

Ещё цитата, для меня, в общем-то, ключевая: *«Свою единственную литературную премию за «Елтышевых» – свой лучший роман – Сенчин получил от писателей, о которых сам, похоже, предпочитает не помнить. Поддержали его Варламов, Василенко, Отрошенко... И поверх всяких «поколенческих интересов». Его – и его прозу. Более того, я бы сам голосовал так же – но не за автора или его поколение, а за правду этой книги. Мне неловко об этом писать – но это, тогда уж, факт биографии писателя Романа Сенчина, так они ведь и делаются, биографии».*

Мне тоже неловко, но: роман «Асистолия» Павлова я, воспользовавшись правом, номинировал на премию «Национальный бестселлер». Напоминаю это лишь затем, чтобы у публики не сложилось впечатление, что «не помнят». Помнят, читают и, в случае Светланы Василенко жалеют, что забросила она прозу...

Снова цитата: «...Новое поколение с новым реализмом воспринимать всерьёз, в общем-то, принуждали. Происходило это на форуме молодых писателей – и с того времени, как он появился. Оправдать существование этой фабрики по открытию новых талантов могли только, собственно, таланты. Но это был отбор. Так как я вёл там много лет мастер-классы, то я понимаю, кого и почему там отбирали.

Всегда и оказывается, что новое – это лишь ставшее в очередь, что дождалось своего времени. Но в самом простом смысле слова. Пространство литературы отнюдь не свободно для всех. Оно каждое время именно что формируется – и даже не скажешь, что предпочтениями читателей».

Сначала прокомментирую оценку Олега Павлова Форума молодых писателей. Точнее, задам вопросы.

Какой отбор имеет в виду Олег? За десять лет в сборниках Форума были опубликованы многие десятки писателей. Причём, разных. И по степени таланта, и по жанрам, и, что важнее всего, по своему общественному и политическому настрою. Олег Павлов намекает на что-то, но намёки комментировать очень сложно и рискованно. Если здесь намёк на либеральный отбор, то это не так. Достаточно полистать журнал «Наш современник», – в биографических справках чуть ли не каждого второго молодого автора указано, что он «участник Форума молодых писателей». Эти *новые* найдены усилиями в основном Александра Казинцева. Если бы семинары в «Липках» согласился проводить в личном общении

очень симпатичный, с живым умом Станислав Куняев, наверняка бы молодых и талантливых «Наш современник» нашёл больше... Но это лишь мысль по поводу некоего намёка. Может быть, Олег имел что-то другое, какой-то другой отбор.

Не понял я и про новое, вставшее в очередь. То ли Олег Павлов приветствует эту очередь, то ли наоборот... Лично я очереди не люблю. Особенно в литературе. Никто, из стоявших в литературных очередях, ничего не добился. Все, кто чего либо добивался, прорывались без очереди. Многих потом история выбрасывала прочь, кто-то остался. Но встававшие в очередь, в ней и скисали. Обидно, что скисло так много талантов в поколениях 70-х – 90-х. Сначала их требовали подождать и созреть, пока напу-бликуются советские классики, потом – пока будет опубликовано всё запрещённое и неизвестное в советский период. Единицы тогда сумели прорваться...

В споре, как давно известно, истина не рождается, зато рождаются конфликты. Конфликтов не хочется. Хочется больше сильных, талантливых, свободных произведений литературы. По моему мнению, писатель, с самого начала ставший отшельником, вряд ли создаст нечто настоящее... Прав Олег Павлов, утверждая, что поколенческие связи, (которые он сравнивает со стаями) в конце концов распадаются. Но связи эти важны и благотворны; поколения в литературе, это всегда свежая кровь.

Июль 2011

Закат вечной темы

*Полюбить – легко, любить – сложно.
Народная мудрость*

Почему сегодня *серьёзные* писатели мало пишут о любви? Любовь, любовь... А когда писали много? По крайней мере, в России.

По прошлому

Если и писали, то в основном о любви заведомо несчастной, неразделённой, гибельной. Но и такая любовь зачастую была лишь деталью, подчёркивающей драматический путь героя (много реже – героини). Например, не будь в жизни Онегина Татьяны, не столь бы трагична получилась его судьба. То же можно сказать и о *младшем брате* Онегина Печорине с Бэлой, а потом княжной Мери (там ещё и Вера присутствовала), и о десятках других героев русской классики.

Вспомним Григория Мелехова. Стал бы он без Аксиньи великим литературным героем? Да нет, конечно. А так – стал. Повинный, пусть косвенно, в её гибели, да и в гибели и преждевременной смерти всех, кроме сына и сестры, родных.

Картин счастливой любви можно вспомнить вот так, без помощи справочного материала, совсем немного... Прихо-

дит в голову, как ни странно, чета Маниловых из «Мёртвых душ», которую в школе нас приучали воспринимать чуть ли не с презрением. Живут этикие голубки, пустые мечтатели, витают в облаках... А задуматься, как непросто им было сохранять это витание в дальнем имении, в замкнутом пространстве, общаясь с ограниченным числом лиц, причём не их круга. Манилов иногда выезжает в город, а жена и сыновья – в заточении. (Позже мы увидим жуткие будни таких дальних (да и не очень дальних) помещиков у Чехова. Например, в рассказах, повестях, пьесах «В усадьбе», «У знакомых», «В родном углу», «Именины», «Леший», «Дядя Ваня», «Чайка»...) И любовь, пусть и пошловатая, смешная (а какая *продолжительная* любовь не может показаться пошловатой и смешной?) удерживает этих, затерянных в пространствах России людей – Маниловых – от превращения в животных.

Или любовь Ильи Ильича Обломова. Нет, не к этой лицемерной, не уважавшей его Ольге, а к Агафье Матвеевне. Ведь их отношения – своего рода идеал супружества. Взаимное уважение (плюс к тому уважение Ильи Ильича к детям Агафьи Матвеевны), искренность и честность, бескорыстие, законный брак, сын-наследник...

Нет, при всём усилии вспомнить много счастливых Любовеi в русской литературе не получается. Чтобы *он* и *она* познакомились, вскоре влюбились, а в финале, прожив полную испытаний, но всё же чистую и честную *совместную* жизнь,

умерли.

А можно ли написать такую книгу *с подробностями*? Дешёвое чтиво, трёхсотстраничную сказку – да, а серьёзное... Писателей интересовали несчастные любви. Лев Толстой в самом начале «Анны Карениной» заявил: *«Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему»*. И, тем не менее, попытался изобразить пусть и не счастливую абсолютно семью, но и не несчастливую, – Лёвина и Кити. Но помним ли мы её? Я встречал поклонников этого произведения, пропускавших при перечитывании страницы, ей посвящённые. Их интересовала Анна, Вронский, немного меньше Облонские, муки Каренина, а Лёвин с Кити казались лишней линией.

Да и удалась ли Толстому эта линия в художественном отношении? Во всяком случае, она слабее, чем линия Анны, Вронского, Каренина. А иначе и не может быть. Здесь страсти, конфликты, слёзы, поезд, а там – пусть и с проблемами, но размеренность и даже местами приторная благость...

Как сложится судьба Лёвина и Кити? Может быть, спокойно состарятся, окружённые детьми и внуками; может быть, разойдутся, разъедутся; может быть, Кити влюбится в кого-нибудь, и Лёвин её убьёт. Ничто не исключено. Герой «Крейцеровой сонаты», например, убил жену.

Кстати, в «Крейцеровой сонате» Толстой, наверное, первым в русской литературы попытался показать невозможность любви. Любви долгой, прочной, *в браке*. Да и вообще

поставил под сомнение возможность сосуществования мужчины и женщины.

Пусть герой повести человек *ненормальный*, но у его оппонента (повествователя) нет особых аргументов для защиты брака, любви, плотских удовольствий. Можно, конечно, сказать, что повесть вообще тенденциозна, но многие мысли героя заслуживают внимания... Позволю себе привести довольно большую цитату:

«Сколько я ни старался устроить себе медовый месяц, ничего не выходило. Всё время было гадко, стыдно и скучно. Но очень скоро стало ещё мучительно тяжело. Началось это очень скоро. Кажется, на третий или на четвёртый день я застал жену скучною, стал спрашивать, о чём, стал обнимать её, что, по-моему, было всё, чего она могла желать, а она отвела мою руку и заплакала. О чём? Она не умела сказать. Но ей было грустно, тяжело. Вероятно, её измученные нервы подсказали ей истину о гадости наших сношений; но она не умела сказать. Я стал допрашивать, она что-то сказала, что ей грустно без матери. Мне показалось, что это неправда. Я стал уговаривать её, промолчав о матери. Я не понял, что ей просто было тяжело, а мать была только отговорка. Но она тотчас же обиделась за то, что я умолчал о матери, как будто не поверив ей. Она сказала мне, что видит, что я не люблю её. Я упрекнул её в капризе, и вдруг лицо её совсем изменилось, вместо грусти выразилось раздражение, и она самыми ядовитыми словами на-

чала упрекать меня в эгоизме и жестокости. Я взглянул на неё. Всё лицо её выражало полнейшую холодность и враждебность, ненависть почти ко мне. Помню, как я ужаснулся, увидав это. «Как? что? — думал я. — Любовь — союз душ, и вместо этого вот что! Да не может быть, да это не она!» Я попробовал было смягчить её, но наткнулся на такую непреодолимую стену холодной, ядовитой враждебности, что не успел я оглянуться, как раздражение захватило и меня, и мы наговорили друг другу кучу неприятностей. Впечатление этой первой ссоры было ужасно. Я называл это ссорой, но это была не ссора, а это было только обнаружение той пропасти, которая в действительности была между нами. Влюблённость истоцилась удовлетворением чувственности, и остались мы друг против друга в нашем действительном отношении друг к другу, то есть два совершенно чуждые друг другу эгоиста, желающие получить себе как можно больше удовольствия один через другого. Я называл ссорой то, что произошло между нами; но это была не ссора, а это было только вследствие прекращения чувственности обнаружившееся наше действительное отношение друг к другу. Я не понимал, что это холодное и враждебное отношение было нашим нормальным отношением, не понимал этого потому, что это враждебное отношение в первое время очень скоро опять закрылось от нас вновь поднавившеюся перегонной чувственностью, то есть влюблением.

И я подумал, что мы поссорились и помирились и что

больше этого уже не будет. Но в этот же первый медовый месяц очень скоро наступил опять период пресыщения, опять мы перестали быть нужными друг другу, и произошла опять ссора. Вторая ссора эта поразила меня ещё сильнее, чем первая. Стало быть, первая не была случайностью, а это так и должно быть и так и будет, думал я. Вторая ссора тем более поразила меня, что она возникла по самому невозможному поводу. Что-то такое из-за денег, которых я никогда не жалел и уж никак не мог жалеть для жены. Помню только, что она так как-то повернула дело, что какое-то моё замечание оказалось выражением моего желания властвовать над ней через деньги, на которых я утверждал будто бы своё исключительное право, что-то невозможное, глупое, подлое, несвойственное ни мне, ни ей. Я раздразнился, стал упрекать её в неделикатности, она меня, — и пошло опять. И в словах и в выражении её лица и глаз я увидел опять ту же, прежде так поразившую меня, жестокую, холодную враждебность. С братом, с приятелями, с отцом, я помню, я ссорился, но никогда между нами не было той особенной, ядовитой злобы, которая была тут. Но прошло несколько времени, и опять эта взаимная ненависть скрылась под влюблённостью, то есть чувственностью, и я ещё утешался мыслью, что эти две ссоры были ошибки, которые можно исправить. Но вот наступила третья, четвёртая ссора, и я понял, что это не случайность, а что это так должно быть, так и будет, и

я ужаснулся тому, что предстоит мне. При этом мучила меня ещё та ужасная мысль, что это один я только так дурно, непохоже на то, что я ожидал, живу с женой, тогда как в других супружествах этого не бывает. Я не знал ещё тогда, что это общая участь, но что все так же, как я, думают, что это их исключительное несчастье, скрывают это исключительное, постыдное своё несчастье не только от других, но и от самих себя, сами себе не признаются в этом».

Кто будет утверждать, что большинство семей живут не по подобному графику? Впрочем, большинство семей рассыпаются после нескольких таких перепадов, решив, что ошиблись в избраннике/избраннице. Снова находят человека, снова женятся, и снова вскоре подают на развод.

Вот, кстати, цифра: «в 2009 году **процент разводов** в России составил 70 %», – а после неё ещё более мрачный вопрос: «Интересно, счастливы ли в браке оставшиеся 30 процентов?»

Русская литература (в том числе и советского периода) в прошлом и позапрошлом веках немало внимания уделили проблемам брака, гибели любви, вообще взаимоотношениям мужчины и женщины. В первом десятилетии века нового мы эти проблемы почти не встречаем. Авторы попросту выпускают их из повествования или же обходятся несколькими словами.

Из свежего

Впрочем, недавно и почти одновременно вышли две книги, где проблема любви лежит в основе. Это «Чёрная обезьяна» Захара Прилепина и «Всё, что вы хотели, но боялись поджечь» Анны Козловой.

Герой прилепинского романа вроде бы, статусно, вполне благополучный человек. Деньги водятся, квартира, хоть и не просторная, но своя, имеется, есть жена и двое детей. Правда, существует ещё и любовница, но это давно уже не является однозначным пороком, более того, в печати не раз я встречал советы жёнам отнестись с пониманием и терпением к существованию у мужа любовницы, так как, оказывается, наличие любовницы только укрепляет брак, – муж, дескать, возвращается от любовницы в хорошем настроении, но и с чувством вины, и уделяет больше внимания детям, законной супруге...

Безымянный (и автор, видимо, не случайно не даёт ему имени) герой «Чёрной обезьяны» жене не уделяет никакого внимания. Они живут словно бы в параллельных измерениях. Она приходит домой, он уходит, она уходит, он приходит... Но по вечерам они оказываются вместе, и тогда герой тоскливо мечтает: *«...Сейчас бы свернуть в проулок, миновать тупичок, выйти через чёрный ход к дивану в другой комнате, подбежать на цыпочках к дверям, быстро запереться изнутри на засов».*

Жена делает попытки близости, но они вялы и формаль-

ны, – видимо, и она понимает, что любовь прошла.

До определённого момента их соединяют дети – мальчик и девочка лет четырёх-пяти. К ним невозможно не испытывать нежных чувств – сам возраст на это провоцирует, о них невозможно не заботиться (хотя дети всячески стараются быть самостоятельными, послушными, некапризными). И всё же, узнав о том, что у мужа любовница (точнее, получив материальные доказательства), жена убегает из квартиры. Герой тоже не может долго находиться в этих стенах; отводит детей в садик, откуда их при первой возможности похищает жена.

Герой переселяется к любовнице, но та очень быстро его выгоняет. Он, находящийся постоянно при ней, грузящий (пусть и молчаливо) её своими проблемами, ей не нужен. Секс, *удовлетворение чувственности* – одно, а сосуществование – другое.

В итоге герой остаётся один. Этаким примерно тридцатипятилетний бобыль – сгоревший, опустошённый, безвольный.

Сценам, так сказать, общения героя с женой, детьми, любовницей автор отвёл едва ли треть объёма своей небольшой книги. Его, вместе с героем, больше занимает проблема неких недоростков – кровожадных детей, убивающих взрослых... В итоге они сводят (временно?) героя в ума, тем более что потерявшие его родные сын и дочка, вполне вероятно могли стать такими же недоростками...

Линия недоростков, конечно, важная, на ней держится сюжет, но она всё же литературна. А вот линия потерянной любви – жизненна и кровотолива.

Автор не показывает нам период влюблённости героя и его жены; знакомство героя с любовницей описано предельно лаконично (герою очень понравились её щёки). Мы видим лишь финал – предел послелюбовья. К сожалению, лишь это.

Я слышал, что первоначально «Чёрная обезьяна» была намного больше окончательного варианта. Быть может, там Захар Прилепин проследил весь период гибели любви своего героя и к жене, и к любовнице; скорее всего, получилось художественно слабо, и он оставил лишь то, что оставил.

Жаль. Чтобы показать путь героя от счастья к одиночеству и опустошению, подошла бы форма русского романа – неспешное, подробное повествование, необходимые длиноты, временная протяжённость.

А гибель любви в «Чёрной обезьяне» закономерна. Точно так же она гибнет в девяти из десяти квартир любой российской (а может, и европейской, американской) многоэтажки. Условия жизни, ритм жизни, схема жизни не подходят под условия прочной любви... В одних квартирах любовь гибнет громко и болезненно, в других – тихонечко разлагается. Но немало к тому же квартир, где обитают одинокие особи, которые, зная, что любовь – это почти что сказка, мираж, тем не менее мечтают о ней.

Такова героиня книги Анны Козловой «Всё, что вы хоте-

ли, но боялись поджечь» Саша Живержеева. Ей почти тридцать, но у неё никогда не было мужчины, с которым она, более или менее продолжительное время жила вместе. Все её мужчины были или на несколько часов, или на десяток-другой встреч.

Живержеева, в принципе, страдает в одиночестве, но и боится с кем-то соединиться. Её постоянно преследуют воспоминания о судьбе её родителей, которые сначала любили друг друга, а потом стали ненавидеть. Папа поздно приходил с работы и приносил мало денег, а мама стояла у плиты и остервенело варила борщ.

«Мамина и папина любовь являла собой несколько упрямого, но всё же выносливого ослика, который, несмотря на брань и окрики, упрямо следовал путём, который был ясен ему одному. В течение многих лет его нагружали тюками говна, сундуками со скелетами, гирями, коробками с плесенью, гнилыми брёвнами и бесконечными пакетами с мелким мусором. И однажды ослик не выдержал – он, как это принято у тактичных животных, пошатался некоторое время для виду, но никто не собирался давать ему передышку, и тогда он просто издох». (Издыхают от перегрузки обычно лошади, а не ослы, ну да ладно, – образ всё равно хорош.)

В итоге мама выгнала папу. *«Конечно, развод с папой был крахом юных маминых мечтаний, конечно, она оказалась одна с маленьким ребёнком, но всё же за ней осталась папина двухкомнатная квартира. Свою однокомнатную мама*

предусмотрительно сдавала внаём».

Героиня, в то время маленькая девочка, подобно детям в «Чёрной обезьяне», инстинктивно пытается спасти семью, стараясь быть послушной, хорошей; пытается спасти даже тогда, когда семьи формально не существует: *«Он (отец. – Р.С.) приезжал почти во все воскресенья, тихо здоровался со своей бывшей женой и ждал, прислонившись к вешалке, пока я одевалась. <...> Я в экстазе натягивала колготки, искала перчатки, шарф и шапку, суешила и спотыкалась и больше всего боялась, что родители успеют начать скандалить из-за моей дурацкой несобранности».*

Отец Саши находит другую женщину, потом ещё и ещё, мать тоже ищет, и тоже находит. Но все *союзы* распадаются. У героини же таковых вовсе не возникает, и виной этому, скорее всего, полученный в детстве опыт неудавшегося союза её родителей. В ней не заживает пресловутая душевная травма.

Есть в книге Козловой эпизод, совершенно не свойственный этому, по определению Льва Данилкина, ультрашоковому автору. Эпизод очень яркий, искренний и, видимо, не побоюсь этого слова, выстраданный.

«Почему они не разговаривали? <...> Они ведь любили друг друга когда-то раньше, жить, наверное, друг без друга не могли. Если бы я могла залезть им в головы, выпотрошить из мозга память, я бы показала маме тот день, когда меня ещё не было и когда она долго ждала папиного звонка, и

злилась, и плакала, может быть, а потом он всё-таки звонил, и приезжал к ней в гости, и они целовались, обнявшись на диване. Вполне возможно, мама даже произносила слова. Она говорила: «Это самый счастливый день в моей жизни!» Да и папа, скорее всего, не молчал. Он говорил: «Я люблю тебя, я не могу без тебя жить». Этот день никуда не исчез, он до сих пор где-то есть, и до сих пор мама сначала ждёт звонка, а потом целуется с моим отцом на диване. Она ведь помнит об этом. И он помнит. И, встречаясь, они как будто отрекаются от себя в прошлом, высмеивают сами себя.

<...> Если бы я могла установить новый общественный закон, я бы обязала всех бывших мужей и жен, всех бывших любовников и любовниц, встречаясь, публично обниматься и громко благодарить друг друга за дни счастья, которые они когда-то щедро друг другу дарили. Это было бы правильно. Это было бы единственным логическим выходом из омуты всех этих грязных склок, оскорбительных фраз и жуткого, непоправимого несчастья. Я бы даже установила новую должность – смотрителя за бывшими любовниками».

Взрослая Саша работает в проекте «Дом 2», где, как известно, *строят любовь*. Но ни у неё, ни у большинства её коллег личная жизнь не клеится, любовь не строится. («Дом 2» в этой книжке может восприниматься как неудачный приём, примитивная аналогия, но автор действительно некоторое время участвовала в выпуске этого реалити-шоу.) Наоборот, такая работа провоцирует Сашу и остальных на ци-

низм, бесстыдство, запредельную откровенность.

«Интересно, чего мы ждём от мужчин, посвящённых во все подробности наших менструальных циклов, косметических предпочтений и диет? Неужели это именно они должны быть сильными, решительными, должны знать, чего хотят, и, самое смешное, хотеть нас? Должны удивлять нас каждый день, изнемогать в тестостеронной температуре, добиваться, овладевать, брать нас замуж и делать нам детей...», – задумывается иногда героиня книги, но изменить себя и не пытается: в офисе иначе вести себя просто невозможно. Да и где сегодня приветствуется скромность, стыдливость?

С очередным секс-партнёром, пожилым главным редактором «вполне себе приличной газеты», Саша едет на море, в Хургаду. Обоим кажется, что они любят друг друга, не исключается даже брак. Но нескольких дней вместе хватает, чтобы оба поняли, что не могут быть вместе. Сашин уже бывший партнёр пьёт в баре, а сама она валяется на пляже и предаётся «сексуальным фантазиям на тему Ближнего Востока».

Однажды её ожидает *«небольшое развлечение: на пляж приехала стайка египтянок, которые купались в шапках, кофтах с длинным рукавом и чёрных шароварах, а с берега за всем этим следил дед в длинной белой хламиде. На меня и остальных русских, потянувшихся сразу после завтрака за пивом, он поглядывал с любопытством и нескрываемым*

презрением.

Взяв пива, я улеглась на солнцепёке в своём купальнике, площади которого едва бы хватило на носовой платок, и подумала, скольких проблем в своей жизни я смогла бы избежать, если бы в нашей стране был запрещён алкоголь, а за внебрачные связи побивали камнями. Каким понятным, логичным и, главное, лёгким могло бы стать моё существование, ходи я основное время в парандже».

Мысль не пустая – всё больше и больше женщин, воспитанных по нормам европейской цивилизации, уходят в исламскую цивилизацию, надевают паранджу. От чего-то прячутся...

Вернувшись с Хургады, Саша встречается с матерью. Та спрашивает, как развиваются её отношения с партнёром. В ответ Саша раздражается эмоциональной речью:

«— Мам, – сказала я, – ну чем всё это могло закончиться? Чем? Счастливым замужеством, рождением ребёнка? Неужели ты не понимаешь, что всё это – полный бред и херня. Ты постоянно выходишь замуж, приманиваешь каких-то мужиков, и я искренне поражаюсь, как ты находишь в себе силы верить в то, что всё может закончиться хорошо? Откуда эта вера, мама? На что вообще тут можно надеяться? После этой поездки я поняла одно: мне не нужен мужчина.

– Ты в своём уме? – воскликнула мама.

– Да, в своём. Единственно приемлемая для меня фор-

ма отношений с ними – секс, а в остальное время они меня утомляют».

Да, секс полезен: *«В «Cosmopolitan» писали, что пятнадцать минут секса, когда ты сверху, равны часу тренировок на велотренажёре».*

Но тем не менее Саша мечтает о настоящей любви. Как-то раз ей показалось, что она полюбила одного из своих коллег, и перед ней встаёт вопрос, как ему в этом признаться. В итоге она приглашает молодого человека поужинать в пятницу вечером, и за ужином (пиво) предлагает: *«Дим, а... Может, мы с тобой... Ну, трахнемся?»*

Естественно, молодой человек заявляет ей: *«Моя личная жизнь устроена. Вполне себе устроена».*

Кстати сказать, объяснения любви, судя по всему, ушли в прошлое. Люди ещё могут называть друг друга *ласкашками* вроде «заи», «рыбки», «масюси», но вот сказать хотя бы одну ласковую, душевную фразу не в состоянии. Нет каких-то неопошленных, чистых слов для выражения любви. И не случайно, что и литература о любви почти не пишет. Нет материала для этой, пожалуй, главной из *вечных тем*.

Возможна ли реанимация?

Скорее всего, у писателей не хватит сил, чтобы вернуть любовь в литературу. Конечно, художественно сильные рассказы, повести, пьесы, а то и романы появятся, но они будут восприниматься как исключения. А так... И сегодня

большинство авторов минует любовь или же ограничивается лишь упоминанием о ней, не исключено, что в будущем она станет упоминаться ещё реже.

Инстинкт любить сохраняется, влечение существует, но душевные силы всё слабее, условий для любви всё меньше.

Любовь должна чем-то подпитываться. А чем она подпитывается в сегодняшней жизни?

*«Мы встали, поели омлет и бутерброды с сыром и при-
нялись привычно слоняться по комнатам...»*, – вспоминает героиня Анны Козловой о жизни с мамой и папой.

Семья героя «Чёрной обезьяны» по вечерам и в выходные также изнывает от пустоты. Если дети чем-то занимаются, правда, как-то натужно, лишь бы не донимать взрослых, то взрослые совершенно не знают, чем заняться. Жена устала в телевизор, муж то таращится в экран компьютера, то тоже слоняется по квартире, а потом, не выдержав, бежит или к любовнице, или посмотреть на проститутку, которая напоминает ему жену...

Городской образ жизни, давно уже завоевавший и сельскую местность (патриархальную деревню сегодня найти очень непросто), не предусматривает необходимости мужчине иметь рядом женщину, а женщине – мужчину. В общем-то, им даже легче жить поодиночке, встречаясь коротко и лишь для того, чтобы получить *чувственное удовлетворение*. Инстинкт любви многим мешает, и большинство (да, уже большинство) людей его всячески подавляют. По край-

ней мере, после того, как в юности раз другой любовью обожгутся. Брак считается чем-то лишним, неким анахронизмом. Даже венчание, брачные контракты, татуировки имени любимых и прочие дополнительные (к штампу в паспорте) узы, которыми брачующиеся друг друга связывают, рвутся сегодня с поразительной лёгкостью.

Брак сохраняется во многом благодаря привыканию людей быть друг с другом (даже если они каждый день собачатся и дерутся), лени, квартирному вопросу, нужде... Конечно, мужчин и женщин нередко держит рядом потомство, но и оно не становится надёжным магнитом. Бывшие любящие договариваются о *цивилизованном общении*, мужчины платят алименты, покупают детям, живущим без них, подарки, и так далее.

Всё это возникает в современной литературе, правда, как-то блёкло, скупо, периферийно. Может быть, потому, что авторы боятся, копнув проблему глубже, дать повод заподозрить, что и у них есть подобная проблема.

Чтобы писать именно о любви мужчины и женщины, нужно увидеть изменения в самом устройстве жизни. Иначе мы будем встречать в книжках лишь сцены влюблённости, которая не перерастает в настоящую, долгую и тем более крепкую любовь.

И здесь я снова процитирую писателя из прошлого. Точнее – критика, но умевшего создавать по-настоящему художественно сильные строки. Вот какие мысли были у Дмит-

рия Писарева почти полторы сотни лет назад:

«Любить жену и детей – это, по-видимому, так просто и естественно, что каждый самый дюжинный человек должен был бы в этом отношении оказываться совершенно состоятельным. Но действительная жизнь говорит нам совсем другое: счастливые супружества и нормальные отношения родителей к детям рассеяны, как крошечные оазисы, в целой неизмеримой Сахаре разнообразнейших семейных раздоров, которые начинаются обыкновенно с затаённой взаимной антипатии и кончаются нередко скандалами или даже уголовными преступлениями. Чтобы действительно любить жену и детей и чтобы этою любовью доставлять первой прочное счастье, а вторым – истинную пользу, надо быть высоко развитым человеком, или по крайней мере надо жить постоянно в здоровой и укрепляющей атмосфере честного труда. Мыслящий человек достоин быть другом своей жены и своих детей; работник, добывающий свой насущный хлеб ценою тяжёлых и постоянных усилий, способен также уважать в своей жене добрую и расторопную помощницу и воспитывать в своих детях честных и полезных тружеников. Но те люди, у которых нет в жизни ни определённой цели, ни любимого умственного труда, ни тяжёлой необходимости заниматься ручной работой, те люди, которые живут для того, чтобы платить оброк вино-торговцам и содержателям увеселительных заведений, – те могут понимать женичину только со стороны её пластиче-

ской привлекательности и относиться к своим детям так, как многие старики и старухи относятся к забавным комнатным зверкам».

В общем-то, слова эти актуальны и сегодня. Нет, они становятся всё более актуальными. Если не случится изменений в *действительной жизни*, то о любви в литературе можно забыть. По крайней мере, в литературе, которую принято называть реалистической. Она останется фантастам и утопистам.

Август 2011

Потенциальный прозаик

«Хочу быть бедным» Льва Пирогова – ещё одно доказательство, что критикам необходимы книги. Статьи и рецензии, собранные под одной обложкой имеют неизмеримо больший эффект, чем разбросанные по периодике, и даже то, что актуальность некоторых вроде бы миновала (так или иначе, а оперативно книгу выпустить невозможно), обманчиво, – зачастую критика и публицистика только выигрывают от того что отдаляются от события, которое их породило.

Благодаря сборнику Пирогова, я наконец-то по-настоящему понял литературную и жизненную философию автора, уяснил, в чем сущность постинтеллектуализма, к которому он то и дело возвращается. Вроде бы должен был понять давным-давно, – уже лет десять как раза по два в месяц читаю его статьи и рецензии с одинаковой, в общем-то, идеологической начинкой. Но мне мешало пироговское не то чтобы ёрничество, а скорее, юродство.

Конечно, юродивые призваны говорить истину, пророчествовать, но слушать их, согласимся, не очень приятно, – выкрики, вскрики, жутковатый смех... Так же и в статьях Пирогова: появляется в газете или Интернете кусочек текста-вскрика, который читаешь с раздражением, но каким-то болезненным любопытством (а может, с потребностью читать именно такое); но вот кусочек кончается, вскрик умол-

кает. Продолжается нормальная жизнь.

Книга «Хочу быть бедным» ценна не только тем, что объединяет эти вскрики и смех в единое целое и делает его почти связным монологом, но и демонстрацией того, что Пирогов меняет интонацию. Его последние статьи в лучшем смысле слова серьезнее, и производят больший эффект, чем вскрики.

Жаль, правда, что произведения не датированы, и об эволюции могут судить, наверное, лишь давние и внимательные читатели Пирогова... Вообще как-то странно, что то ли издатели, то ли сами авторы часто боятся в книгах указывать время написания или первой публикации своих вещей. Для статей и рассказов это очень важно – пусть произведение написано на вечность, но контекст написания не менее важен, чем содержание...

Лев Пирогов вошёл в нашу литературу в самом начале 00-х, когда и идеологические битвы в ней были беспощаднее, и произведений прозы, поэзии, близких ему, было ничтожно мало (*«ровный, как стол, ландшафт «нашей новой литературы»*); само устройство втаскиваемой в некий новый строй страны (волнения 90-х были позади) было ему явно отвратительно.

Пирогов бился со всеми против всех за то, что он считал спасительным для России и народа. За почву, за настоящую литературу, в которую он верил, но которой почти не существовало. Во время этих битв на Пирогова навешивали яр-

лыки националиста, радикала, а то и фашиста, и он, подобно хрестоматийным юродивым, эти ярлыки превращал в вериги и громко ими потрясал. А может, приспособливал их под стяги...

Я написал предыдущий абзац в прошедшем времени, но это не значит, что Лев Пирогов преобразился (или мутировал). Нет, он всё такой же и пишет идейно так же. Но изменилось время. Сегодня национализм уже не ругательное слово, националистов берёт в союзники и левая, и либеральная оппозиция, тем более что сам национализм меняется. Сегодня вопрос стоит не о защите русскости (сущность которой, правда, националисты всегда определяли очень туманно), а цивилизации. Скорее всего, эту цивилизацию можно назвать европейской, хотя Европа, по намекам нынешних глав основных европейских государств, уже не та, к какой мы привыкли за последние лет пятьсот.

Россия, конечно, не Европа (не та и не нынешняя), но и она претерпевает стремительные изменения. И Лев Пирогов, на протяжении всей книги воспевающий почву и культуру этой почвы, родные былинки и борщи, под конец приходит к такому вот размышлению:

«...Испания – была великой империей. Потом обгадилась по полной программе. Испанцы были хорошие солдаты и хорошие моряки. Торговцы они были плохие. Виноват в этом был, как считается, католицизм. В торговом и финансовом деле везло протестантам: голландцам, швейцарцам, ан-

гликанистым англичанам. А испанцам с их «идеалом рыцарства» страшно не везло, жутко. Они были первыми, кто начал движение Европы к мировому господству, и вот из самой богатой в мире державы, из законодателей европейских мод превратились в неумытых провинциалов, живущих где-то на задворках Европы чуть ли не Христа ради...

Однако что мы видим сейчас? В своё время испанская корона дала Нидерландам исключительное право вести торговые дела в Новом Свете. В результате, пока гибли испанские солдаты и тонули испанские моряки, голландцы не только поднялись из безвестности и нищеты, но и неслабо зажили. Основали в Америке Нью-Амстердам и целую кучу аристократических династий, вандербильдтов всяких. Но уже сегодня США неуклонно становятся испаноговорящими (недавно американский президент был вынужден выступить с заявлением, что государственный гимн на испанском языке дублироваться не будет – ну это пока), и «васпы» ничего не могут с этим поделать. Сказки про «ассимиляцию» не действуют: латиносам в Америке даже английский учить не надо – у них всё своё – и школы, и магазины, и телевидение. Но речь не об этом.

Произошёл «испанский реванш»: испанская культура окуклилась и пережила неблагоприятные времена с помощью двух вещей: религии и языка. Языка и религии. А откажись, скажем, они от католичества? Думаю, такой шаг говорил бы отнюдь не в пользу того, что у истории ещё оста-

ётся интерес к испанцам, что они ей для чего-то ещё нужны.

Вот так-то и с Россией, голубчики. Что бы нас ни ждало, это будет что-то абсолютно для теперешнего сознания неприемлемое и страшное. Пуэрториканский уличный хулиган с ножом-«бабочкой» (происходящим от испанской навахи) это, конечно, не Сервантес и не Луллий Раймунд. Пусть. Зато они будут жить дальше – йот них ещё родятся Сервантесы. Только две вещи – язык и вера. За них и держись.

Язык – наиболее универсальное средство сохранения трансляции материальной культуры, вера – духовной. Выберите любые два критерия, например, «кровь и почва», и прикиньте. Почву отберут, или придётся её покинуть, кровь смешается или выродится. И что?»

Вот такой далеко не радужный для России, но всё же с неким светом в конце туннеля прогноз. И не поспоришь, в общем-то, что почва и кровь важнее, чем язык и вера. Римляне сначала потеряли веру в Юпитера и прочих, потом свой латинский язык, и где они? Хоть почва, да и кровь, скорее всего, остались.

Конечно, всему, как известно, бывает конец, но не хотелось бы этот конец увидеть. Его, как может, сильно, и оттягивает Лев Пирогов.

Он считается литературным критиком, но собственно статей о литературе, рецензий в книге «Хочу быть бедным» в чистом виде почти нет. Да их вообще у Пирогова немно-

го, — он из тех, для кого произведение литературы лишь повод поговорить о жизни. Как делал это, например, Дмитрий Писарев. Но Пирогов, как он сам признаётся, *«сочинитель коротких газетных текстов»*, и это мешает ему развернуть свою философию в полной мере. Только он начинает рассуждать, размышлять, анализировать, и — пора закругляться. В следующей статейке — по новой. Может быть, для газеты это неизбежно, но для книги — однозначно минус.

Куда больший эффект произвёл бы текст большой, по настоящему аналитический, многогранный, многослойный. Тем более что у автора явная тоска по нему, да и талант налицо. Причём талант не только публицистический, но и художественный. По сути, многие статьи Пирогова, дневниковые зарисовки, это полурассказы. Или конспекты глав романа.

Действительно, из Льва Пирогова, наверное, мог бы получиться своеобразный и острый писатель. И его публицистическая заряженность пошла бы этому на пользу... Ещё с дореволюционных времён считается, что тенденциозность в прозе, это плохо. Но, скажем, Достоевский с Толстым писали больше тенденциозно, чем художественно, а Тургенев — наоборот. И вот Тургенев постепенно, но прочно забывается, а Достоевский и Толстой заставляют и заставляют к себе возвращаться...

В общем, книга *«Хочу быть бедным»*, хоть и порадовала, но и вызвала сожаление, что автор и в ней лишь «сочини-

тель газетных текстов» (которые, правда, стали мощнее, выстроившись в тесную колонну), а не нечто большее. Впрочем, ещё не вечер.

Сентябрь 2011

Одинокий

Персонаж и человек

В романе Дмитрия Быкова «Остромов, или Ученик чародея» немало колоритных персонажей, да это и понятно, — описывая Ленинград середины 20-х годов, без таковых не обойтись. Ещё не так активно очищают бывшую столицу империи от *бывших*, но *бывшие*, уже распродав фамильное серебро, стремительно люмпенизируют или создают хитроумные комбинации, чтобы выжить в изменившемся городе, изменившемся мире...

Самой яркой фигурой романа, на мой взгляд, является не главный герой, псевдо-чародей Остромов, не честолубивый, но бездарный журналист Кугельский или искренне поверивший псевдо-чародею Даня Галицкий, а некий Одинокий, не уступающий, фактурно, злодеям Достоевского, пикулевскому Гришке Распутину. Злодей стопроцентный, причём умный, хитрый, беспросветно циничный. Вот портрет:

«В этот миг заскрежетал дверной замок, Кугельский кинулся открывать и вернулся с длинным старцем, одетым не по-летнему. Это был невероятно противный старец, мысль о котором навсегда соединилась у Дани с тошнотой, — но если б Даню даже не тошнило и был он по-утреннему свеж, как сорок братьев-физкультурников, эта одутловатая ро-

жа, неопрятная борода и наплывавший от старца необъяснимый запах сырого мяса внушили бы ему отвращение к человечеству. Это было явление с той стороны, с исподу, не из подполья даже, а из Зазеркалья. Бывают люди – войдут, и хоть беги. Всё в нём было нелюдским, и весь он был заряжен ненавистью к людскому... <...>

Кугельский около него суетился.

– Александр Иванович, – повторял он, – как же вы, Александр Иванович... Как же вы узнали... <...> Снимите пальто...

– Ничего я снимать не буду, – говорил старик, – я в «Красной газете» не работаю, и у меня белья нету. Если я сниму пальто, ваши шлюхи не обрадуются.

<...> Одинокий был такая чистая и беспримесная гадина, такая мёртвая смерть, что душонка Кугельского перед ним скукоживалась. Но выгнать Одинокого было никак нельзя – он был таран, стенобитное орудие на пути к славе; его руками Кугельский надеялся передушить всех, кто мешал, включая далёкого Пруста. Одинокий был его щит и мортира, танк и окоп, и вдобавок его подчинённый. Кугельский не мог без Одинокого и потому со стыдом выслушивал, как тот смачно, наслаждаясь, говорит ему всё новые мерзости».

У персонажей «Остромова...» немало реальных прототипов. Одни раскрыты на обложке, других читатели узнали сами; на прототип Одинокого указал автор. Отвечая на вопрос корреспондента «Новых Известий» о своём непосеще-

нии церемонии вручения премии «Национальный бестселлер» (лауреатом которой он стал в уходящем году), Дмитрий Быков сказал:

«Оргкомитет этой премии ведёт себя неприлично, и мне приятно, сознаюсь, что присуждение мне последнего «Нацбеста» спровоцировало эту публику на ещё большее неприличие. Ларчик открывается нехитро – в одном из эпизодических героев «Остромова» оргкомитет усматривает шарж на петербургского переводчика Виктора Топорова, инициатора «Нацбеста». Помилуйте, как можно! Описанный в романе персонаж – литератор Одинокий – это вполне реальный Александр Тиняков, хоть и безобразный человек, но талантливый поэт».

Не будем вдаваться в проблему шаржа или не шаржа на Виктора Топорова или вовсе не на него, а вспомним, кто такой Александр Тиняков-Одинокий. Безобразный ли это был человек, талантливый ли поэт...

«Имя Александра Ивановича Тинякова (1886–1934),

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.